

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 · 50 · 2009

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО СОЛДАТЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 2440/07)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 октября 2008

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

23/01/2009

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

В деле Солдатенко против Украины,

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Peer Lorenzen, *председатель,*

Karel Jungwiert,

Volodymyr Butkevych,

Renate Jaeger,

Mark Villiger,

Isabelle Berro-Lefèvre,

Mirjana Lazarova Trajkovska, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции,*

После обсуждения за закрытыми дверями 30 сентября 2008 года

Провозглашает следующее решение, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 2440/07) против Украины, поданному в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») г-ном Николаем Ивановичем Солдатенко (далее – «заявитель») 15 января 2007 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н А.П. Бущенко, адвокат, практикующий в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Юрий Зайцев.

3. 20 февраля 2007 года Суд решил уведомить о заявлении Правительство. В соответствии со статьей 29 § 3 Конвенции он решил рассмотреть заявление по существу одновременно с рассмотрением его приемлемости. По ходатайству заявителя Суд придал заявлению приоритет (правило 41 Регламента Суда).

4. Были получены письменные аргументы Хельсинского фонда по правам человека в Варшаве, которому Президент разрешил вступить в дело в качестве третьей стороны (статья 36 § 2 Конвенции и правило 44 § 2).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1961 году и в настоящее время содержится следственном изоляторе Херсонской области в ожидании выдачи в Туркменистан. Адвокат заявителя утверждает, что заявитель является лицом без гражданства. По мнению Правительства, заявитель является гражданином Туркменистана. Заявитель не отрицает своего туркменского гражданства и не поднимал вопрос о своем статусе лица без гражданства перед украинскими национальными органами.

6. 7 июля 1999 года правоохранные органы Туркменистана обвинили заявителя в причинении легких и тяжелых телесных повреждений двум лицам 4 июня 1999 года (последнее, более тяжкое преступление, предусматривает наказание от 5 до 10 лет лишения свободы в соответствии с Уголовным кодексом Туркменистана). В тот же день полиция Туркменистана приняла решение об аресте заявителя. Это решение было одобрено Азатлыкским районным прокурором г. Ашгабада 8 июля 1999 года.

7. 12 июля 1999 года полиция объявила розыск заявителя.

8. В октябре 1999 года заявитель уехал из Туркменистана вследствие преследований, как он утверждает, по расовому признаку. С тех пор он жил в Украине.

9. 4 января 2007 года заявителя задержала милиция. Как утверждает заявитель, его родственникам сообщили, будто он задержан за совершение мелкого хулиганства, а позднее – что он задержан в соответствии со статьей 106 УПК Украины на основании международного ордера на арест.

10. В тот же день заявителю сообщили, что его разыскивают правоохранные органы Туркменистана. По словам заявителя, работник милиции убеждал его отказаться от помощи адвоката под тем предлогом, что все процессуальные действия по его уголовному делу будут проводиться на территории Туркменистана.

11. В тот же день управление милиции Херсонской области получило от туркменских властей официальный запрос о временном аресте заявителя в соответствии с Конвенцией СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года.

12. 8 января 2007 года заявитель получил возможность встретиться с адвокатом.

13. 10 января 2007 года милиция доставила заявителя к судье Каховского горрайонного суда Херсонской области, который заключил его под стражу до выдачи. Решение было вручено немедленно и

упоминало возможность его обжалования в соответствии со статьей 165-2 Уголовно-процессуального кодекса. Срок содержания под стражей определен не был.

14. В тот же день заявителя допросил Горностаевский районный прокурор, которому заявитель объяснил, кроме всего прочего, что до своего ареста ничего не знал о розыске его туркменскими правоохранительными органами. Он также сказал, что подписал отказ от помощи адвоката, поскольку милиция объяснила ему, что в Украине он не предстанет перед судом.

15. 15 января 2007 года заявитель подал ходатайство о применении по его делу правила 39 Регламента Суда. 16 января 2007 года Президент Палаты решил применить правило 39, указав Правительству, что было бы желательно в интересах сторон и надлежащего судопроизводства, чтобы заявитель не выдавали Туркменистану до рассмотрения дела Судом.

16. 19 января 2007 года Генеральная прокуратура Туркменистана запросила выдачу заявителя с целью уголовного преследования за причинение легких и тяжких телесных повреждений двум лицам. Она также предоставила заверения в том, что заявитель будет преследоваться только за преступления, указанные в запросе, ему будет позволено покинуть Туркменистан после отбытия наказания, и он не будет передан третьей стране без согласия украинских властей. Она также добавила, что он никогда не подвергался и не будет подвергаться дискриминации на основе его социального статуса, расы, этнического происхождения и религии. Этот запрос был получен Генеральной прокуратурой Украины 30 января 2007 года. По всей видимости, заявитель узнал об этом документе только в ходе процедур в соответствии с Конвенцией.

17. 31 января 2007 года Генеральная прокуратура Украины сообщила Генеральной прокуратуре Туркменистана о приостановлении экстрадиции в соответствии с временными мерами, указанными Судом.

18. 5 февраля 2007 года Горностаевская прокуратура внесла руководителю Горностаевского районного отдела милиции представление, в котором отметила нарушения уголовно-процессуального закона при содержании заявителя под стражей. В соответствии с этим представлением, заявитель был задержан 4 января 2007 года и помещен в ИВС на основании ордера на арест, выданного Азатлыкской районной прокуратурой г. Ашгабада (Туркменистан). Прокурор отметил, что с 4 по 10 января 2007 года милиция не доставила заявителя в суд для решения вопроса о его содержании под стражей и не уведомила прокурора о его задержании. Прокурор считал, что это произошло из-за служебной халатности работников

милиции, и потребовал привлечь их к дисциплинарной ответственности.

19. Приказами от 20 февраля и 15 марта 2007 года работники милиции, ответственные за содержание заявителя в нарушение закона, были наказаны устным предупреждением, формальным порицанием и лишением месячной премии.

20. Письмом от 19 апреля 2007 года Первый заместитель Генерального прокурора Туркменистана в ответ на запрос украинской Генеральной прокуратуры сообщил, что соблюдение прав заявителя и его законных интересов будет обеспечено, в частности:

«– в отношении Н.И. Солдатенко будут соблюдены требования статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, он не будет подвергаться пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию после экстрадиции;

– в случае необходимости ему будет предоставлена медицинская помощь и лечение;

– ему будет обеспечено право на справедливое судебное разбирательство по его уголовному делу».

Он также подчеркнул, что в Туркменистане смертная казнь отменена.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Применимое международное и национальное право

1. Конституция Украины 1996 года

21. Соответствующие положения Конституции предусматривают:

Статья 9

«Действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины».

Статья 29

«Никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом».

В случае неотложной необходимости предотвратить преступление или его пресечь уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение семидесяти двух часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение семидесяти двух часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о содержании под стражей.

Каждому арестованному или задержанному должно быть безотлагательно сообщено о мотивах ареста или задержания, разъяснены его права и предоставлена возможность с момента задержания защищать себя лично и пользоваться правовой помощью защитника.

Каждый задержанный имеет право в любое время обжаловать в суде свое задержание.

Об аресте или задержании человека должно быть незамедлительно сообщено родственникам арестованного или задержанного».

Статья 55

«Права и свободы человека и гражданина защищаются судом.

Каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц...

... Каждый имеет право после использования всех национальных средств правовой защиты обращаться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Украина».

Статья 92

«Исключительно законами Украины определяются:

(1) права и свободы человека и гражданина, гарантии этих прав и свобод; основные обязанности гражданина;

(14) судостроительство, судопроизводство, статус судей, основы судебной экспертизы, организация и деятельность прокуратуры, органов дознания и следствия, нотариата, органов и учреждений исполнения наказаний; основы организации и деятельности адвокатуры;...»

2. *Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам («Минская Конвенция»)*¹

22. Украинский Парламент ратифицировал Конвенцию 10 ноября 1994 года. Она вступила в силу в отношении Украины 14 апреля 1995 года, а в отношении Туркменистана 19 февраля 1998 года. Текст Конвенции был опубликован в «Официальном вестнике Украины (№ 44, 2005) 16 ноября 2005 года. Соответствующие положения Конвенции предусматривают следующее:

Статья 61.

Заключение под стражу или задержание до получения требования о выдаче

«1. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу или на приговор, вступивший в законную силу, и указание на то, что требование о выдаче будет приостановлено дополнительно. Ходатайство о взятии под стражу до получения требования о выдаче может быть передано по почте, телеграфу, телексу или телефаксу.

2. Лицо может быть задержано и без ходатайства, предусмотренного в пункте 1 настоящей статьи, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу.

3. О заключении под стражу или задержании до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить другую Договаривающуюся Сторону».

Статья 62.

Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу

1. Лицо, заключенное под стражу согласно пункту 1 статьи 61 должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение одного месяца со дня заключения под стражу.

2. Лицо, задержанное согласно пункту 2 статьи 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение срока, установленного законов в отношении содержания под стражей».

¹ Изменения в Конвенцию внесены Протоколом 1997 года, к которому Украина присоединилась, а Туркменистан нет.

3. *Гражданский процессуальный кодекс Украины 1963 года (заменен новым Кодексом 1 сентября 2005 года)*

23. Глава 31-А Кодекса предусматривала процедуру рассмотрения жалоб граждан на решения, действия и бездействие государственных органов, юридических лиц и должностных лиц в сфере управления.

4. *Кодекс административного судопроизводства от 6 июля 2005 года (вступил в силу 1 сентября 2005 года)*

24. Статья 2 Кодекса предусматривает, что задачей административного судопроизводства является защита прав, свобод и интересов лиц и прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушения со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц и других лиц при исполнении служебных полномочий. В соответствии со вторым параграфом этой статьи, любое решение, действие или бездействие властей может быть обжаловано в административных судах.

25. В соответствии с пунктом 7 Раздела VII Переходных положений к Кодексу после его вступления в силу все поданные, но не рассмотренные заявления и жалобы, вытекающие из административно-правовых отношений, должны быть рассмотрены в соответствии с процедурой, предусмотренной Кодексом об административном судопроизводстве.

5. *Уголовно-процессуальный кодекс, 1960 года (с изменениями)*

26. Статья 106 Кодекса регулирует задержание и содержание лиц, подозреваемых в уголовном преступлении. Она предусматривает:

Статья 106. Задержание органом дознания подозреваемого в совершении преступления

«Орган дознания вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только при наличии одного из следующих оснований:

- 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;
- 3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

О каждом случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания обязан составить протокол с указанием

оснований, мотивов, дня, часа, года, месяца, места задержания, пояснений задержанного, времени составления протокола о разьяснении подозреваемому в порядке, предусмотренном частью второй статьи 21 настоящего Кодекса, права иметь свидание с защитником с момента задержания. Протокол задержания подписывается составившим его лицом и задержанным.

Копия протокола с перечнем прав и обязанностей немедленно вручается задержанному и направляется прокурору. По требованию прокурора ему также направляются материалы, послужившие основанием для задержания.

О задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания немедленно уведомляет одного из его родственников...

В течение семидесяти двух часов после задержания орган дознания:

(1) освобождает задержанного — если не подтвердилось подозрение в совершении преступления, истек установленный законом срок задержания или задержание было осуществлено с нарушением требований, предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи;

(2) освобождает задержанного и избирает в отношении него меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей;

(3) доставляет задержанного к судье с представлением об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу.

В случае обжалования задержания в суд жалоба задержанного немедленно направляется начальником места предварительного заключения в суд. Жалоба рассматривается судьей одновременно с представлением органа дознания об избрании меры пресечения. Если жалоба поступила после избрания меры пресечения, она рассматривается судьей в течение трех суток со времени поступления. Если представление не поступило или если жалоба поступила после истечения семидесятидвухчасового срока после задержания, жалоба на задержание рассматривается судьей в течение пяти суток со времени поступления.

Жалоба рассматривается с соблюдением требований, предусмотренных статьей 1652 настоящего Кодекса. По результатам рассмотрения судья выносит постановление о законности задержания или об удовлетворении жалобы и признании задержания незаконным.

На постановление судьи в течение семи суток со дня его вынесения может быть подана апелляция прокурором, лицом, в отношении которого принято решение, либо его защитником или законным представителем. Подача апелляции не приостанавливает исполнение постановления суда.

Задержание подозреваемого в совершении преступления не может продолжаться более семидесяти двух часов.

Если в установленный законом срок задержания постановление судьи о применении к задержанному лицу меры пресечения в виде содержания под стражей либо постановление об освобождении задержанного не поступило в

учреждение для предварительного заключения, начальник места предварительного заключения освобождает это лицо, о чем составляет протокол и направляет уведомление об этом должностному лицу или органу, осуществлявшему задержание».

27. Статья 148 Кодекса предусматривает, что к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или осужденному должны быть применены меры пресечения.

28. Статья 165-2 Кодекса касается избрания меры пресечения в уголовном процессе. Она предусматривает:

Статья 165-2. Порядок избрания меры пресечения

«В стадии досудебного расследования дела меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей, избирает орган дознания, следователь, прокурор.

Если орган дознания, следователь полагает, что есть основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, он с согласия прокурора вносит представление в суд. Такое же представление вправе внести прокурор. При решении этого вопроса прокурор обязан ознакомиться со всеми материалами, которые дают основания для заключения под стражу, проверить законность получения доказательств, их достаточность для обвинения.

Представление должно быть рассмотрено в течение семидесяти двух часов с момента задержания подозреваемого или обвиняемого.

Если в представлении ставится вопрос о заключении под стражу лица, пребывающего на свободе, судья вправе своим постановлением дать разрешение на задержание подозреваемого, обвиняемого и доставление его в суд под стражей. Задержание в этом случае не может продолжаться более семидесяти двух часов, а в случае когда лицо находится за пределами населенного пункта, в котором действует суд, — не более сорока восьми часов с момента доставления задержанного в этот населенный пункт.

После получения представления судья изучает материалы уголовного дела, представленные органами дознания, следователем, прокурором, допрашивает подозреваемого или обвиняемого, а при необходимости получает пояснения у лица, в производстве которого находится дело, заслушивает мнение прокурора, защитника, если он явился, и выносит постановление:

- 1) об отказе в избрании меры пресечения, если для ее избрания нет оснований;
- 2) об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Отказав в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд вправе избрать подозреваемому, обвиняемому меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей.

На постановление судьи в апелляционный суд прокурором, подозреваемым, обвиняемым, его защитником или законным представителем в течение трех

суток со дня его вынесения может быть подана апелляция. Подача апелляции не приостанавливает исполнения постановления судьбы».

29. Статья 382 Кодекса предусматривает процедуру обжалования решений судов первой инстанции, в том числе вынесенных в соответствии со статьей 165-2 Кодекса.

6. Рекомендация № R(98)13 Комитета Министров странам-членам в отношении прав лиц, ищущих убежища, но получивших отказ, на эффективные средства обжалования решения о высылке в контексте статьи 3 Европейской Конвенции о правах человека.

30. Рекомендация призывает к соблюдению следующих процессуальных требований в случае высылки искателей убежища:

«Комитет Министров ...

Рекомендует, чтобы правительства государств-участников при применении своих процессуальных правил обеспечили, чтобы в их законодательстве или практике соблюдались следующие гарантии:

1. Должно быть предусмотрено эффективное средство правовой защиты в национальном органе власти для каждого искателя убежища, который ходатайствовал о статусе беженца и подлежит высылке в страну, в отношении которой это лицо представляет небезосновательные утверждения, что он или она будет подвергнут пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

2. При применении параграфа 1 этой рекомендации, правовая защита в национальном органе считает эффективной, если:

2.1. этот орган является судебным; или – если он является квазисудебным или административным органом – он четко определен и формируется из беспристрастных и обладающих гарантиями независимости членов;

2.2. этот орган имеет полномочия принять решение в отношении наличия условий, предусмотренных статьей 3 Конвенции, и предоставить соответствующую помощь;

2.3. средство правовой защиты доступно искателю убежища, ходатайство которого отклонили;

2.4. исполнение приказа о высылке приостанавливается до тех пор, пока не принято решение в соответствии с пунктом 2.2».

В. Применимая национальная практика

1. Постановление № 16 Пленума Верховного Суда от 8 октября 2004 года «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего порядок и сроки задержания (ареста) лиц при решении вопросов, связанных с экстрадицией»

31. Соответствующий фрагмент постановления Пленума Верховного Суда предусматривает следующее:

«Конституция Украины предусматривает, что никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом (статья 29).

Частью 1 статьи 9 Конституции установлено, что действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины. Поэтому частью 2 раздела 19 Закона «О международных договорах» от 29 июня 2004 года определено, что в случае, если международным договором Украины, который вступил в силу в установленном порядке, установлены иные правила, чем предусмотрены в соответствующем акте законодательства Украины, применяются правила международного договора.

Кроме норм Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК) и статьи 10 Уголовного кодекса Украины (далее – УК) вопросы, связанные с ограничением права лица на свободу передвижения и личную неприкосновенности (задержание, заключение под стражу), регулируются также действующими международными договорами Украины, в частности Европейской Конвенцией о выдаче правонарушителей 1957 года и Дополнительными протоколами к ней 1975 и 1978 годов, ратифицированными Законом Украины от 16 января 1998 года № 43/98-ВР..., Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 года, заключенной в г. Минске и ратифицированной Законом Украины от 10 ноября 1994 года № 240/94-ВР, двусторонними договорами Украины с другими странами, многосторонними специальными договорами...

... Изучение практики разрешения судами Украины вопросов, связанных с выдачей лиц другим государствам, показало, что ими соответствующее законодательство применяется неодинаково. В частности, некоторые суды принимают к своему производству представления компетентных органов об избрании в отношении лица, которое подлежит экстрадиции, меры пресечения в виде содержания под стражей или временного ареста, другие отказывают в приеме таких представлений к производству.

С целью обеспечения одинакового применения законодательства, регулирующего вопросы о выдаче лиц другим государствам и защиты прав и основных свобод человека Пленум Верховного Суда Украины постановляет:

1. ...При решении вопросов в отношении того, подлежит ли рассмотрению в судебном порядке тот или иной вопрос, связанный с выдачей лиц другим

государствам, они должны исходить из соответствующих положений Основного Закона Украины, иного национального законодательства, в том числе Европейской Конвенции [1957 года] или иных международных договоров Украины, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, или договоров бывшего СССР, которые применяются Украиной в порядке правопреемства в соответствии с Законом Украины от 12 сентября 1991 года № 1543-ХІІ.

При этом судам следует выяснять, заключен ли между Украиной и запрашивающим государством соответствующий договор и какой именно порядок разрешения вопросов, связанных с экстрадицией, в нем предусмотрено...

2. Учитывая, что действующим законодательством судам не предоставлено полномочий по самостоятельному решению вопроса о предоставлении разрешения на выдачу лиц и что в соответствии со статьей 22 Европейской Конвенции [о выдаче] и аналогичных положений иных международных договоров Украины процедура в отношении их выдачи регулируется исключительно законодательством стороны, к которой обращаются с запросом, суды не вправе решать такие вопросы.

Не могут они [суды] по собственной инициативе решать и вопросы об избрании мер пресечения в отношении лиц, которые подлежат выдаче или передаче, в том числе и содержания под стражей, поскольку такие меры применяются лишь в делах, которые находятся в производстве компетентных органов Украины.

3. Учитывая то, что в Украине лицо может находиться под стражей более трех суток лишь на основании мотивированного решения суда, и принимая во внимание, что по смыслу ч. 2 ст. 29 Конституции такое решение может быть постановлено лишь компетентным судом Украины, суды должны принимать к своему производству и рассматривать по существу представления прокурора или согласованные с ними представления органов, которые исполняют запросы иных государств о выдаче, о предоставлении разрешения на задержание лиц и доставку их под стражей к компетентному органу иностранного государства.

4. В соответствии со ст. 16 Европейской Конвенции [о выдаче] и аналогичных положений иных международных договоров Украины в некоторых случаях компетентные органы запрашивающего государства могут обращаться с запросом о временном аресте разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемого государства разрешают этот вопрос в соответствии со своим законодательством.

В связи с этим местные суды должны принимать к своему производству и рассматривать по существу представления прокурора или согласованные с ними представления органов, которые исполняют запросы иных государств о выдаче, о временном аресте лиц с целью их доставки под стражей к компетентному органу запрашивающего государства на срок, установленный Европейской Конвенцией [о выдаче] или иным международным договором.

5. Рассмотрение судами представления о задержании лица или его временном аресте проводится по правилам, установленным ст. 165-2 УПК.

Суды вправе применять правила ч. 4 ст. 165-2 УПК с целью доставления в суд лица, в отношении которого решается вопрос о его задержании (временном аресте) с целью выдачи или передачи.

Суд должен проверить наличие запроса и соответствующих документов, определенных договором, на основании которых решается вопрос об экстрадиции, а также отсутствие обстоятельств, препятствующих выдаче или передаче (статьи 2, 3, 6, 10, 11 Европейской Конвенции [о выдаче] и Дополнительные протоколы к ней 1975 и 1978 годов, ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 года, и других). В частности, выдача задержанных лиц не осуществляется: за политические и военные правонарушения; в связи с окончанием сроков давности; если на территории запрашиваемой стороны постановлен приговор суда или постановление о прекращении дела по тому же обвинению, в связи с предъявлением которого требуется выдача; когда ставится вопрос о выдаче граждан Украины или лиц без гражданства, которые постоянно проживают в Украине, лиц, которые имеют в Украине статус беженца; если запрашивающая сторона не предоставит Украине достаточных гарантий того, что приговор с наказанием в виде смертной казни не будет приведен в исполнение в том случае, если правонарушение, в связи с которым требуется выдача, наказывается смертной казнью по законодательству запрашивающего государства; преступление, в связи с которым требуется выдача, в соответствии с законодательством запрашивающей стороны или Украины преследуется в порядке частного обвинения; преступление, в связи с совершением которого требуется выдача, наказывается лишением свободы на максимальный срок менее одного года или менее строгим наказанием.

Судам следует учитывать и другие положения Европейской Конвенции [о выдаче] или международных договоров по вопросам предоставления правовой помощи, которыми предусмотрено право запрашиваемой стороны отказать в выдаче лица.

Обратить внимание судов на то, что в соответствии со ст. 28 Европейской Конвенции [о выдаче] ее положения заменяют положения любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих выдачу правонарушителей между любыми двумя Договорными Сторонами. Таким образом, если запрашивающее государство является Стороной Европейской Конвенции, положения других двусторонних или многосторонних международных договоров о выдаче могут применяться лишь в той части, в которой они дополняют положения этой Конвенции.

6. В соответствии с ч. 3 ст. 29 Конституции суды должны принимать к своему производству и рассматривать по сути жалобы лиц, задержанных на основании запроса иного государства об экстрадиции, на незаконность задержания, а также жалобы их защитников и законных представителей.

Рассмотрение таких жалоб производится по правилам, установленным частями 7 и 8 ст. 106 УПК. Разрешая вопрос о законности задержания, судья должен учитывать как соответствующие положения УПК в отношении порядка задержания и процессуального его оформления, так и положения соответствующего международного договора, в связи с исполнением которого лицо было задержано, и наличие необходимых документов, на основании которых осуществляется экстрадиция (в частности, запрос о выдаче, решения

компетентных органов запрашивающей стороны о задержании и аресте лица и т.п.)»).

2. Комментарии третьей стороны

32. Третья сторона, комментируя отсутствие соответствующей процедуры для пересмотра решения об экстрадиции в украинском праве, привела примеры соответствующей национальной практики, которые в свое время стали предметом серьезного внимания со стороны международного сообщества.

33. Доклад 2006 года о практике соблюдения прав человека по странам, изданный Государственным департаментом Соединенных Штатов Америки 6 марта 2007 года, в своем докладе по Украине таким образом описывал один из примеров административной практики:

«16 февраля УВКБ ООН и международное сообщество резко осудили насильственную депортацию 10 узбекских искателей убежища. СБУ задержало одиннадцать человек в Крыму, основываясь на запросах об экстрадиции, предоставленных властями Узбекистана, на том основании, что они, как утверждалось, причастны к Андижанским массовым протестам в Узбекистане в мае 2005 года. Они были помещены в Симферопольский ИВС МВД. УВКБ ООН просило органы власти предоставить гарантии, что никто из искателей убежища не будет насильственно возвращен, пока не установлено, что они не являются беженцами и пока не завершена процедура рассмотрения заявления о предоставлении статуса беженца, в том числе апелляции. Миграционная служба в Крыму отказала в предоставлении статуса беженца на том основании, что ходатайства «откровенно необоснованны». 14 февраля 10 человек были принудительно возвращены в Узбекистан. (Одиннадцатому, по сообщениям, было разрешено остаться, поскольку он имел родственников в стране). Двадцать одна украинская региональная правозащитная организация заявила по этому случаю протест. 3 мая Министр юстиции дал правовую оценку, что депортация была незаконной. Глава секретариата Президента утверждал, что депортация проведена с нарушением процедуры, поскольку искателям убежища не было предоставлено десять дней для обжалования депортации, но добавил, что экстрадиция была приемлемой, поскольку они «принадлежали к радикальной исламистской группировке».

С. Относимые международные материалы в отношении ситуации с правами человека в Туркменистане

1. Доклады Государственного департамента Соединенных Штатов Америки о практике соблюдения прав человека по странам

34. Доклады Государственного департамента Соединенных Штатов Америки о практике соблюдения прав человека по странам (далее – «Доклады») за 2003 года, опубликованные 25 февраля 2004 года, отмечали в отношении Туркменистана:

«с. пытки и другие формы жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания

...поступали многочисленные надежные сообщения о том, что офицеры безопасности пытали, постоянно били, и применяли силу к подозреваемым в уголовных преступлениях и заключенным с целью получить признания...

...Поступали сообщения о том, что заключенных, нуждающихся в медицинской помощи, избивали по пути в больницу и обратно. Силы безопасности также использовали отказ в медицинской помощи и пище, словесные оскорбления и помещение в антисанитарные условия, чтобы принудить сознаться...

...Условия содержания в тюрьмах были плохими, не соответствовали санитарным требованиям, тюрьмы переполнены и небезопасны. Бурно расцветали болезни, в особенности туберкулез, частью из-за того, что больные заключенные не изолируются от остальных. Питание плохое, и заключенные зависят от того, насколько родственники восполнят неудовлетворительное питание. Возможности для реабилитации и отдыха заключенных крайне ограничены. Большинство заключенных могли получить от родственников еду и гигиенические средства раз в месяц; эти еще не так сильно страдают. Заключенные, которые содержатся в соответствии с законом «О предателях Родины», не могли получать от родственников еду и гигиенические средства, а также получать свидания с родственниками. Большинство содержались в заново отстроенной тюрьме максимального уровня безопасности в Овадан Депе, в которой доступ к заключенным был крайне затруднен...

Существовало три типа тюрем по всей стране: воспитательно-трудовые колонии, исправительно-трудовые колонии и тюрьмы. Некоторые заключенные, обывцы бывшие государственные служащие, были сосланы. Поступали сообщения, что в исправительно-трудовых колониях заключенные на чрезмерно долгий срок изолируются в камерах и карцерах. Новая тюрьма для закоренелых преступников и политических заключенных в Овадан Депе, близ Ашгабада, была построена в июне. По сообщениям, администрация угрожает, изводит и плохо обращается с заключенными в попытках принудить некоторых заключенных восстановить свою веру.

В тюрьме Гызылгайя, расположенной в пустыне Кара-Кум, заключенных принуждали работать в каолиновой шахте в опасных и вредных для здоровья условиях...

...Некоторые заключенные умерли из-за сочетания переполненности, запущенных заболеваний и отсутствия адекватной защиты от жестокой летней жары...

...Администрация тюрем отказывалась отвечать на вопросы членов семей и иностранных дипломатов о судьбе заключенных или физическом состоянии и в течение года не позволяла членам семей, иностранным дипломатам или международным наблюдателям, в том числе Международному Комитету Красного Креста, посетить задержанных или заключенных, в том числе политических заключенных. Правительство утверждало, что разрешить доступ означало бы, что оно допускает, будто в тюремной системе страны существуют проблемы...

Задержанные имеют право на немедленный доступ к адвокату после того, как предъявлено обвинение; однако, на практике им не разрешалось регулярно и без задержек видеться с адвокатом. Задержание без связи с внешним миром остается проблемой. Власти постоянно отказывают заключенным в свиданиях с членами семьи, которые зачастую не знают об их местопребывании...

d. Произвольный арест, содержание под стражей и ссылка

... В феврале Президент Ниязов подписал закон «О предателях Родины», который рассматривает любую оппозицию правительству как измену. Осужденные в соответствии с этим законом приговариваются к пожизненному заключению, не подлежат амнистии и сокращению срока и не могут получать свидания или еду из внешних источников... На конец года от 50 до 60 человека были задержаны или осуждены по этому закону...

Закон предусматривает, что содержание под стражей лиц, обвиняемых в преступлении, может длиться не более 2 месяцев, а в исключительных случаях может продлеваться до 1 года. На практике органы власти часто переходят эти границы...

e. Отказ в справедливом публичном суде

Конституция предусматривает независимость суда; однако на практике судьи не являются независимыми. Полномочие Президента назначать и увольнять судей подчиняет судей Президентской власти. Президент назначает судей на срок 5 лет. Нет какого-либо рассмотрения этих назначений законодательным органом, кроме кандидатуры Председателя (Главного Судьи) Верховного Суда, и только Президент имеет полномочие уволить всех назначенных судей до окончания срока их назначения...

Закон предусматривает право на справедливый судебный процесс для обвиняемых, включая публичное слушание, доступ к материалам обвинения, право вызвать свидетелей, показывающих в их пользу, право на защитника, в том числе назначенного судом, если он не может себе позволить защитника, а также право самому защищать себя в суде. На практике власти часто отрицали эти права, и было мало независимых адвокатов, чтобы представлять заявителей...

В январе, сокращенный судебный процесс в отношении обвиняемых в нападении ноября 2002 года начался без публичного извещения. Подозреваемым не предоставлялся регулярные свидания с их адвокатами, а адвокатам не позволили допросить других обвиняемых по делу в ходе досудебного расследования. Защитники некоторых обвиняемых получили уведомление о слушании в отношении их клиентов лишь за 15 минут до его начала (по закону – 1 неделя). Некоторые обвиняемые не имели адекватного юридического представительства. Адвокаты многих обвиняемых в своих вступительных речах выразили сожаление, что они защищают своих клиентов, что транслировалось государственным телевидением, несмотря на закрытый характер самого слушания. Правительство не разрешило членам семей или иностранным дипломатам наблюдать за процессом. Международная Амнистия сообщила, что никто из обвиняемых не имел независимого адвоката в ходе слушания.

Обвиняемым не позволили допрашивать свидетелей, показывающих против них. Обвиняемым и их защитникам не предоставили доступа к доказательствам обвинения против них; Генеральная прокуратура утверждала, что эти доказательства составляют «государственную тайну». Обвиняемые не обладали презумпцией невиновности. До того, как процесс начался, правительство публично объявило, что главные обвиняемые виновны, и приговорило их к пожизненному заключению на основании нового закона «О предателях Родины». Наказания лицам, признанным виновными в причастности к нападению ноября 2002 года, варьировались от пожизненного тюремного заключения до принудительного переселения. Постоянное нарушение должной процедуры при расследовании и обвинении заключенных, вовлеченных в нападение, не давало возможности отличить действительно причастных к нападению от тех, кто, возможно, был политическим заключенным, осужденным за его политические оппозиционные взгляды. Докладчик ОБСЕ описывал этот процесс как «нарушение всех самых элементарных принципов верховенства права».

По утверждениям, суд игнорировал заявления о пытках, которые обвиняемые делали в ходе слушания...

На практике, в других делах соблюдение должной процедуры не было единообразным, особенно в нижестоящих судах сельской местности. Даже если права на должную процедуру соблюдались, авторитет государственного обвинителя настолько выше авторитета защитника, что обвиняемому трудно получить справедливое разбирательство. В деле октября 2002 против двух бывших высокопоставленных чиновников городской суд Ашгабада отказался принять решающие для защиты доказательства, несмотря на то, что они, кажется, были допустимыми по закону.

Вообще наблюдатели не допускались на якобы открытые судебные заседания. Правительство физически не дало иностранным дипломатам присутствовать на слушании в отношении обвиняемых в нападении ноября 2002 и в отношении общественного активиста в марте; однако иностранные дипломаты присутствовали на слушании в отношении двух бывших чиновников в октябре 2002 и в отношении Свидетелей Иеговы в мае...».

35. Доклады за 2006 год, опубликованные 6 марта 2007 года, не свидетельствуют о каком-либо улучшении ситуации:

«с. Пытки и другие формы жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания

... поступали многочисленные надежные сообщения о том, что офицеры безопасности пытали, постоянно били и применяли чрезмерную силу к подозреваемым в уголовных преступлениях, заключенным и лицам, критично настроенным к правительству, особенно во время задержания, с целью получить признания...

Условия в тюрьмах и следственных изоляторах

Условия в тюрьмах были плохими; тюрьмы не соответствовали санитарным требованиям, переполнены, небезопасны и представляли угрозу для жизни. Распространены болезни, особенно туберкулез (ТБ). Продолжает беспокоить,

что заключенные с ТБ без обследования и лечения освобождаются к остальному населению, хотя правительство, по отчетам, начало проверять заключенных при освобождении, кроме прочих заболеваний, и на ТБ, и предоставляло какое-то лечение в отдельных случаях. Заключенных, у которых обнаружен ТБ, перевели в специальную больницу МВД в Тари Велайат для лечения. Правительственные чиновники отрицают заявления иностранных дипломатических миссий о плохих условиях содержания, однако не отвечают на прямые вопросы. Питание плохое, заключенные зависят от того, насколько родственники восполнят неудовлетворительное питание, хотя осужденные за измену не могут получать посылки от родственников. Правительство считает изменой любую оппозицию правительству...

Члены семей и международные публикации заявляли, что некоторые заключенные умерли из-за сочетания переполненности, запущенных болезней и отсутствия адекватной защиты от летней жары...

Существовало три типа тюрем по всей стране: воспитательно-трудовые колонии, исправительно-трудовые колонии и тюрьмы. Некоторые заключенные, обычно бывшие государственные служащие, были сосланы. Родственники заключенных сообщают о том, что в исправительно-трудовых колониях заключенных на чрезмерно длительный срок изолируют в камерах. Сообщалось, что заключенных принуждали работать в опасных и вредных для здоровья условиях в каолиновой шахте в тюрьме Гызылгайя, вблизи Дашогуз...

d. Произвольный арест и содержание под стражей

Закон запрещает произвольный арест и содержание под стражей; однако произвольный арест и содержание под стражей остаются серьезной проблемой...

Арест и содержание под стражей

...Задержанные имеют право на немедленный доступ к адвокату после того, как предъявлено обвинение; они вправе выбрать защитника; однако, на практике регулярные и без задержек свидания с адвокатом не предоставляются. В некоторых случаях адвокат прекращал защиту, после того как должностное лицо меняло обвинение или детали дела, которые изначально сообщались обвиняемому. Задержание без связи с внешним миром составляло проблему. По закону обвинение должно быть предъявлено в течение 72 часов; на практике власти не соблюдают это право. Нет системы освобождения под залог. Власти отказывали некоторым заключенным в свиданиях с членами семьи в течение года. Семьи иногда не знают о местопребывании заключенных родственников...

Закон считает оппозицию правительству изменой. Осужденные в соответствии с этим законом приговариваются к пожизненному заключению, не подлежат амнистии и сокращению срока. В отличие от предыдущих лет, ничего не известно об осуждении за измену в течение этого года. Те, кто выражал критические взгляды или такие, которые отличаются от позиции правительства арестовывались по обвинениям в экономических преступлениях против государства и различных обычных преступлениях...

e. Отказ в справедливом публичном суде

Закон предусматривает независимость судебной власти; однако на практике судьи подчинены президенту. Эти назначения не рассматриваются законодательным органом, кроме кандидатуры Председателя (Главного Судьи) Верховного Суда, назначение которого рассматривается послушным парламентом. Только Президент имеет полномочие уволить всех назначенных судей до окончания срока назначения и постоянно делает это вплоть до городского уровня...

Процедура рассмотрения

Проект пересмотренного уголовно-процессуального кодекса, подготовленный в 2004 году, на конец года все еще не рассмотрен. Кодекс мог бы серьезно изменить советский кодекс 1961 года, который все еще оставался в силе. Изменения включали права обвиняемого, в том числе предусматривали презумпцию невиновности, ограничения на обыски полицейскими, создание системы освобождения под залог и ограничение досудебного содержания под стражей.

Закон предусматривает должную процедуру для подсудимых, в том числе публичное слушание, доступ к материалам обвинения, право вызывать свидетелей, показывающих в его пользу, право на защитника, в том числе назначенного судом, если обвиняемый не может себе позволить защитника, а также право самому защищать себя в суде. На практике власти часто отрицали эти права и независимых адвокатов для представительства заявителей было немного. Суд присяжных отсутствует. Временами подсудимым не позволяли допрашивать свидетелей против них, подсудимым и их защитникам не давали доступа к доказательствам обвинения, часто за обвиняемыми не признают презумпцию невиновности. В некоторых случаях суды отказывались принять оправдывающие доказательства, представленные защитниками, даже если эти доказательства могли изменить исход дела. Даже если права на должную процедуру соблюдали, авторитет правительственного обвинителя был настолько выше авторитета защитника, что обвиняемому было трудно получить справедливый процесс. Судебные протоколы часто искажены или неполны, особенно в делах, в которых показания подсудимых нужно переводить с русского на туркменский язык. Решения нижестоящих судов могут быть обжалованы, и подсудимый может ходатайствовать о помиловании президентом. Однако в большинстве дел суды, видимо, игнорируют заявления о пытках, которые подсудимые делают в ходе рассмотрения.

Иностранные наблюдатели допускались на некоторые слушания. Однако гораздо больше слушаний, особенно тех, которые считались политически проблемными, в том числе суд над членом Хельсинского фонда и корреспондентом радио «Свободная Европа»/радио «Свобода» Огулсапар Мурадовой, были закрыты для наблюдателей...

Политические заключенные

Закон считает оппозицию правительству актом измены. Осужденные в соответствии с этим законом приговаривались к пожизненному заключению, не подлежали амнистии и уменьшению срока.

Оппозиционные группы и международные организации утверждают, что правительство содержит под стражей множество политических заключенных,

хотя точное их число неизвестно. К заключенным могут относиться несколько сотен родственников и знакомых тех, кто причастен к нападению ноября 2002 года, и которых содержат под стражей без обвинения за их политические взгляды и возможную причастность к нападению.

Правительство отказывалось отвечать на вопросы членов семей и дипломатов о местонахождении или условиях содержания политических заключенных. Правительство также не позволяет членам семей, иностранным дипломатам и международным наблюдателям, в том числе Международному Комитету Красного Креста, видеться с задержанными или заключенными, связанными с нападением ноября 2002 года».

2. Доклад Генерального Секретаря ООН Генеральной Ассамблее ООН о ситуации в Туркменистане от 3 октября 2006 года

36. Ссылаясь на продолжение грубых и систематических нарушений прав человека в стране, доклад Генерального Секретаря ООН подчеркнул среди главных предметов для беспокойства использование пыток и отсутствие независимого суда в Туркменистане. В своем докладе Генеральный Секретарь отметил, в частности:

«14. Приветствуя представление докладов, комитеты обычно выражали потребность в более обширной информации в отношении практического осуществления положений конвенций, в том числе статистические данные, как требуют руководства по подготовке отчетов. Комитет по ликвидации расовой дискриминации «отметил с глубоким беспокойством большие противоречия между, с одной стороны, постоянными сообщениями от межправительственных и неправительственных источников в отношении наличия грубых нарушений Конвенции в Туркменистане, а, с другой стороны, иногда категорическими отрицаниями со стороны государства» (CERD/C/TKM/CO/5). Комитет также призвал государство-участник приложить усилия для установления конструктивного и искреннего диалога.

...

Е. Продвижение к полному уважению всех прав человека и фундаментальных свобод

Условия содержания в тюрьмах и пытки

23. Следующий раздел основан на информации, полученной офисом Верховным Комиссара по правам человека, специальными процедурами Совета по правам человека и договорными органами ООН. Ввиду ограниченного доступа международных правозащитных органов к информации в Туркменистане, более подробности в отношении ситуации в правами человека в стране не были доступны при подготовке этого доклада.

...

38. Специальный докладчик по вопросу пыток сослался на ситуацию многих лиц, осужденных в декабре 2002 года и январе 2003 года к тюремным срокам от 5 лет до пожизненного тюремного заключения за их утверждаемую

причастность к тому, что власти называют покушением на убийство Президента в ноябре 2002 года (E/CN.4/2006/6/Add.1). Все эти заключенные продолжают содержаться без связи с внешним миром, без свиданий с родственниками, адвокатами или независимыми органами, такими как Международный Комитет Красного Креста. Специальный докладчик по вопросам пыток также упомянул Туркменистан как одно из 33 Правительств, которые никогда не отвечают на срочные обращения, посланные в соответствии с его мандатом (A/60/316), хотя получают значительное число таких обращений.

39. Смерть в заключении журналиста радио «Свободная Европа» и радио «Свобода» Огулсапар Мурадовой, на чьем теле, как утверждалось, были следы пыток, вызывает особое беспокойство.

40. Комитет по правам ребенка выразил глубокую озабоченность информацией, что пытки и дурное обращение с задержанными, в том числе детьми, распространены (CRC/C/TKM/CO/1), особенно в момент задержания и в ходе досудебного содержания под стражей, и используются как для получения признаний или информации, так и для дополнительного наказания после признаний...».

3. Другие источники

37. Международная Хельсинская Федерация по правам человека в своей Докладе о права человека в регионе ОБСЕ за 2007 года отметила повсеместное использование пыток и дурного обращения в тюрьмах Туркменистана, а также плохие условия содержания там. Такие же проблемы в Туркменистане упоминал Хьюман Райтс Вотч в своем «Всемирном докладе» за 2007 год.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ОСНОВАННЫЕ НА ОТСУТСТВИИ ИНТЕРЕСА ЗАЯВИТЕЛЯ И ТРЕБОВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЬ ДЕЛО ИЗ РЕЕСТРА

38. Правительство утверждало, что участие заявителя в процедурах Суда было ограничено подписанием доверенности, которой он уполномочил г-на Бущенко представлять его в процедурах Суда. Все остальные процессуальные действия производились г-ном Бущенко, и Правительство сомневается, знает ли сам заявитель о процессе в Суде и интересуется ли его этот процесс. Соответственно, Правительство просило Суд исключить дело из перечня дел на том основании, что сам заявитель не проявил интереса в поддержании своего заявления.

39. Представитель заявителя утверждал, что намерение заявителя обратиться в Суд было выражено подписанием доверенности адвокату

на действия от его имени в Суде, и что нет каких-либо требований, чтобы он подтвердил такое намерение как-то иначе. Представитель также утверждал, что он испытывал проблемы в коммуникации с заявителем из-за препятствий, созданных правоохранительными органами на местах. По словам Правительства, по жалобе адвоката эти препятствия были устранены после вмешательства Генеральной прокуратуры и проблемы коммуникации между заявителем его представителем были решены.

40. Суд не находит каких-либо обстоятельств в данном деле, которые бы вели к заключению, что заявитель утратил интерес к своему делу или что его адвокат более не уполномочен действовать от его имени. Поэтому суд отклоняет это возражение Правительства.

II. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

41. Заявитель жаловался, что в случае экстрадиции ему угрожает применение пыток и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение со стороны туркменских правоохранительных органов, что будет составлять нарушение статьи 3 Конвенции. Статья 3 предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

42. Правительство оспаривало эти аргументы.

A. Приемлемость

1. Доводы сторон

43. Правительство утверждало, что заявитель располагал эффективными национальными средствами правовой защиты в отношении своих заявлений по статье 3 Конвенции, однако не воспользовался ими.

44. Правительство доказывало, что заявитель никогда не обращался со своими жалобами об угрозе ненадлежащего обращения в случае экстрадиции в Туркменистан в национальные суды или Генеральную прокуратуру. Правительство полагало, что национальное законодательство предоставляло заявителю возможность для этого. Они отмечали, в частности, что статья 55 Конституции гарантирует каждому право обжаловать любое решение, действие или бездействие государственных органов в суде. Более того, статья 2 Кодекса административного судопроизводства давала возможность обжаловать не только решение прокурора об экстрадиции заявителя, но любое действие, которое прокурор предпринял в ходе процедуры

экстрадиции. Поэтому они считали, что заявитель не исчерпал национальных средств защиты, доступных ему в соответствии с украинским законодательством.

45. Заявитель отметил, что в соответствии с практикой Суда для того, чтобы средства правовой защиты в отношении жалоб по статье 3 в делах об экстрадиции были эффективными, суды должны иметь возможности эффективно проверить законность исполнения полномочий исполнительной властью с материальной и процессуальной стороны и отменить решения, если необходимо. Он утверждал, что не имел никакой возможности обратиться со своими жалобами в национальные суды, поскольку украинское законодательство не предусматривает процедуры для рассмотрения таких жалоб и не предоставляет ему достаточных возможностей для защиты своих прав. Он также сослался на постановление Пленума Верховного Суда от 8 октября 2004 года, которое предусматривает, в частности: «...учитывая, что действующим законодательством судам не предоставлено полномочий по самостоятельному решению вопроса о предоставлении разрешения на выдачу лиц ..., суды не вправе решать такие вопросы». Отсутствие такой процедуры, по мнению заявителя, создавало реальную угрозу того, что экстрадиция будет выполнена до окончательного решения национальных судов. Он также утверждал, что отсутствие у него информации о ходе процедуры экстрадиции и средств для ее обжалования, а также отсутствие доступа к материалам дела и правовой помощи, серьезно препятствовали эффективному доступу к судам.

46. Что касается специальных средств правовой защиты, на которые сослалось Правительство, заявитель утверждал, что практикой не доказана эффективность этих средств правовой защиты. Он привел два примера из практики национальных судов. В первом случае попытка суда первой инстанции рассмотреть законность решения об экстрадиции на основании статьи 55 Конституции и законодательства, относящегося к административно-правовому обжалованию, была пресечена апелляционным судом в соответствии с вышеупомянутым постановлением Верховного Суда на том основании, что суды не вправе рассматривать такие вопросы. Во втором случае жалоба в порядке административного судопроизводства на действия прокурора в ходе экстрадиции была отклонена на том основании, что вопросы экстрадиции относятся к сфере уголовного права и должны решаться на основании Уголовно-процессуального кодекса. Однако этот Кодекс не предусматривает адекватной процедуры для обжалования решений об экстрадиции, а также не предоставляет права судам решать вопросы законности экстрадиции и приостанавливать экстрадиции до окончательного разрешения жалобы.

47. Заявитель также утверждал, что ни суды, ни какой-либо другой национальный орган власти не мог надлежащим образом оценить опасность подвергнуться пыткам в Туркменистане. Он пришел к такому заключению на основании позиции Правительства, выраженной в их возражении, будто они не могут ставить под сомнение заверения, предоставленных властями Туркменистана, и не имеют возможности или какого-либо правового основания проверить соблюдение этих заверений.

2. Оценка Суда

48. Суд повторяет, что в вопросе исчерпания национальных средств правовой защиты бремя доказывания распределяется. Правительство, заявляющее о неисчерпании, обязано доказать, что средство правовой защиты в рассматриваемое время было эффективным, доступным в теории и на практике, то есть, что оно было понятным, способным предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и давало разумные надежды на успех (см. *Menteş and Others v. Turkey*, решение 28 ноября 1997 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VIII, § 57).

49. Суд отмечает, что Правительство сослалось на два правовых положения: статью 55 Конституции и статью 2 Кодекса об административном судопроизводстве, которые, по их мнению, предоставляли заявителю эффективные возможности обжаловать решение об экстрадиции и любое действие, предпринятое в ходе процедуры экстрадиции. Эти положения гарантируют каждому право обжаловать любое решение, действие или бездействие органов государственной власти в суды, в частности, в административные суды. По мнению Суда, эти положения потенциально способны составить эффективное средство правовой защиты в отношении жалоб о том, что статья 3 будет нарушена решением об экстрадиции, при условии, что они предоставляют достаточные гарантии. Такие гарантии требовали бы, например, чтобы суды могли рассмотреть соответствие выдачи статье 3 и, кроме того, в определенном случае приостановить экстрадицию. Однако Правительство не указало каких-либо полномочий судов при таком рассмотрении и не предоставило каких-либо решений, в которых такие действия были бы предприняты, в то время как заявитель предоставил суду решения, свидетельствующие об обратном (см. § 46 выше). Поэтому Суд отклоняет предварительное возражение Правительства в отношении необходимости для заявителя исчерпать средства правовой защиты, указанные Правительством.

50. Суд также отмечает, что эта жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции и неприемлемой

по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(a) Правительство

51. Правительство отметило, что Генеральная прокуратура Туркменистана предоставила заверения в том, что права заявителя, предусмотренные статьей 3 Конвенции, не будут нарушены: с ним не будут дурно обращаться и при необходимости ему предоставят медицинскую помощь.

52. Правительство утверждало, что оно не может ставить под сомнение информацию, предоставленную туркменскими властями, поскольку процедура экстрадиции должна проводиться в соответствии с международными соглашениями. Они также отметили, что не имеют ни возможности для проверки этой информации, ни правовых оснований для этого, поскольку процесс по делу заявителя будет проводиться иностранными властями. Они отметили, что все страны заинтересованы в хорошей международной репутации, и что не в интересах страны портить свои внешние отношения с партнерами, нарушая свои обязательства. По мнению Правительства, для государства важнее иметь хорошую международную репутацию, нежели нарушать свои международные обязательства.

53. В отношении опасений заявителя подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, Правительство утверждало, что опасения заявителя сформулированы так общо, что невозможно прийти к выводу о том, что угроза реальна и касается его лично. Поэтому они считали, что доводы заявителя недостаточны для вывода, что права заявителя могут быть нарушены в случае его экстрадиции.

(b) Заявитель

54. Заявитель утверждал, что доводы Правительства в отношении международной репутации государства являются спекулятивными.

55. Заявитель утверждал, что в Туркменистане существует практика применения в ходе расследования пыток к людям, чтобы добиться признания. Более того, в Туркменистане ему угрожает содержание под стражей в ужасных условиях. Заявитель, в частности, сослался на условия в СИЗО г. Ашгабада, в котором он, по всей вероятности, будет содержаться в случае экстрадиции. Он сослался на множество

международных материалов, которые описывали ситуацию с правами человека в Туркменистане как особо тревожную.

56. Он также утверждал, что описанные опасности касаются его лично. Он утверждал, что не имеет каких-либо особенных обстоятельств, способных защитить его от повсеместного использования пыток и дурного обращения, которых угрожают любому задержанному в Туркменистане. Заявитель считал, что, как и любому иному обвиняемому или осужденному, ему угрожает дурное обращение в контексте уголовного процесса. Более того, эта угроза усугубляется тем, что законодательство и административная практика в Туркменистане не предоставляют достаточных гарантий от произвольного содержания под стражей полицией. Отсутствие в Туркменистане судебного контроля над содержанием под стражей исключает даже минимальный контроль над соблюдением его прав в ходе содержания под стражей. Отсутствие доступа к независимым медицинским экспертам не даст зафиксировать какие-либо следы возможного дурного обращения при содержании под стражей. Он также утверждал, что право на незамедлительный доступ к адвокату в Туркменистане серьезно нарушается. Такая ситуация, по мнению заявителя, создает «благодатную почву» для распространенной практики пыток и дает возможность причастным должностным лицам оставаться безнаказанными.

57. Заявитель утверждал, что ему угрожали бы еще более жестокие формы дурного обращения, поскольку он русский, а не этнический туркмен.

58. Заявитель также утверждал, что ввиду того, что любая оппозиция правительству Туркменистана рассматривается как измена (см. § 34 выше), он опасается, что его заявление и доводы в Суде будут истолкованы туркменскими властями как измена.

59. Он также заявил, что информации, предоставленной властями Туркменистана, недостаточно, чтобы оценить обоснованность запроса о его экстрадиции.

60. Заявитель отметил, что Правительство не дало оснований полагать, что Украина будет способна проверить, исполняет ли Туркменистан свои международные обязательства.

61. Он сослался на соответствующие международные материалы, демонстрирующие, что Туркменистан постоянно игнорирует свои обязательства по основным договорам о правах человека, не выполняет рекомендации международных организаций и не сотрудничает с их мониторинговыми органами. При таких обстоятельствах заявитель сомневался в способности туркменских властей, даже предполагая их обязательства соблюдать его права, проконтролировать выполнение этих обязательств государственными агентами. Он считал, что какие бы заверения ни предоставило

правительство Туркменистана правительству Украины, они не смогут гарантировать соблюдение этих заверений из-за отсутствия эффективной системы предупреждения пыток. Заявитель сослался на решение Суда в деле *Salah Sheekh v. the Netherlands* (no. 1948/04, § 147, ECHR 2007-... (extracts)), в котором Суд признал, что статья 3 была бы нарушена, если бы заявитель был возвращен в Сомали, поскольку национальные органы не могли бы гарантировать его безопасность.

62. Наконец, заявитель утверждал, что угроза дурного обращения тесно связана с вопросом о справедливом судебном разбирательстве.

(с) Третья сторона

63. Третья сторона отметила отсутствие в Туркменистане эффективных возможностей расследовать заявления о дурном обращении. Она отметила отсутствие независимости судей и непрекращающиеся сообщения о плохом состоянии дел с правами человека в Туркменистане. Она сослалась на международные доклады, подготовленные международными правительственными и неправительственными организациями, а также иностранными государствами о ситуации с правами человека в Туркменистане.

64. Она отметила, что учитывая ситуацию с правами человека в Туркменистане, заявителю угрожает очень реальный риск пыток и дурного обращения.

65. Она заключила, что вопрос об экстрадиции заявителя должен решаться не автоматически, а после тщательного изучения всех относимых факторов и его индивидуального дела. Отсутствие индивидуального подхода и невнимание к ситуации с правами человека в Туркменистане при решении об экстрадиции заявителя противоречило бы статье 3 Конвенции.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

66. В соответствии с последовательной практикой Суда экстрадиция государством-участником может поставить вопрос в контексте статьи 3 Конвенции, а, следовательно, и повлечь ответственность государства по Конвенции, если доказаны веские основания полагать, что заинтересованному лицу в случае экстрадиции угрожает в принимающей стране обращение, противоречащее статье 3. Определение такой ответственности неизбежно ведет к оценке условий в запрашивающей стране с точки зрения стандартов статьи 3 Конвенции. Тем не менее, здесь не стоит вопрос о суждении или установлении ответственности в отношении принимающей страны по общему международному праву, по Конвенции либо какой-то иной.

Если идет или может идти речь о какой-либо ответственности по Конвенции, – это ответственность выдающего государства-участника за то, что оно предприняло действие, которое непосредственно подвергает человека запрещенным формам дурного обращения (см. *Soering v. the United Kingdom*, решение 7 июля 1989 года, Series A no. 161, сс. 35-36, §§ 89-91; *Garabayev v. Russia*, цит. выше, § 73).

67. При определении того, была ли доказана реальность угрозы для заявителя в случае выдачи подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3, Суд будет рассматривать вопрос в свете всех материалов, предоставленных ему, или – при необходимости – материалов, полученных *proprio motu*. Таких делах, как это, Суд должен рассмотреть предвидимые последствия передачи заявителя в принимающую страну, учитывая общую ситуацию там и его личные обстоятельства (см. *Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*, решение 30 октября 1991 года, Series A no. 215, § 108 *в конце*). При оценке общей ситуации в стране Суд часто придавал значение информации, содержащейся в недавних докладах независимых международных правозащитных ассоциаций, таких как «Международная Амнистия», или правительственных источников, в том числе Государственного департамента США (см., например, *Chahal v. the United Kingdom*, решение 15 ноября 1996 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-V, §§ 99-100; *Muslim v. Turkey*, no.°53566/99, § 67, 26 апреля 2005 года; *Said v. the Netherlands*, no. 2345/02, § 54, 5 июля 2005 года; *Al-Moayad v. Germany* (dec.), no.°35865/03, §§ 65-66, 20 февраля 2007 года; и *Saadi v. Italy* [GC], no. 37201/06, §§ 143-146, 28 февраля 2008 года). В то же время было решено, что простая возможность дурного обращения ввиду неустойчивой ситуации в принимающей стране не может сама по себе привести к нарушению статьи 3 (см. *Vilvarajah and Others*, цит. выше, § 111, и *Fatgan Katani and Others v. Germany* (dec.), no. 67679/01, 31 мая 2001 года) и что если доступные Суду источники описывают общую ситуацию, особенные утверждения заявителя в каждом деле требуют подтверждения другими доказательствами (см. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* [GC], nos. 46827/99 и 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

68. Если заявитель утверждает, что он или она принадлежит к группе, систематически подвергающейся дурному обращению, Суд считает, что защита статьи 3 Конвенции приводится в действие, если заявитель докажет, – если необходимо, на основе источников, упомянутых в предыдущем параграфе, – что существуют серьезные основания предполагать существование такой практики, а также свою принадлежность к соответствующей группе (см., *Saadi v. Italy* [GC], цит. выше, § 132).

69. Дурное обращение должно достичь минимального уровня жестокости, чтобы рассматриваться с точки зрения статьи 3. Оценка

этого минимума является, по природе вещей, относительной; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и обстоятельства обращения или наказания, способ и метод обращения, его продолжительность, а также физические и психические последствия. Обращение рассматривается как «бесчеловечное» в значении статьи 3, если, кроме всего прочего, оно умышленное, применяется часами и причиняет либо действительные телесные повреждения, либо интенсивные физические и душевные страдания. Кроме того, рассматривая, было ли наказание или обращение «унижающим достоинство» в значении статьи 3, Суд будет учитывать, было ли его целью оскорбить или унижить заинтересованное лицо и, если говорить о последствиях, сказалось ли оно отрицательно на его или ее личности в такой форме, которая несовместима со статьей 3. При оценке условий содержания, внимание нужно обратить на их совокупное воздействие, а также на конкретные утверждения заявителя. Продолжительность заключения также имеет значение (см. *Garabayev v. Russia*, цит. выше, § 75, с последующими ссылками). Более того, даже если предоставлены дипломатические заверения, Суд не освобождается от обязанности рассмотреть, предоставляют ли эти заверения при своем практическом применении достаточные гарантии того, что заявитель будет защищен от угрозы обращения, запрещенного Конвенцией (см. *Chahal*, цит. выше, § 105; *Saadi v. Italy* [GC], цит. выше, § 148).

(b) Применение вышеперечисленных принципов в данном деле

70. В соответствии со своей практикой, изложенной выше, Суду необходимо установить, существует ли реальная угроза дурного обращения с заявителем в случае его экстрадиции в Туркменистан, со ссылкой на известные факты.

71. В данном деле Суд рассмотрит, во-первых, доклады Государственного департамента США (см. §§ 34 и 35 выше). В соответствии с этими материалами, было множество надежных сообщений о пытках, постоянных избиениях и применении силы туркменскими правоохранительными органами к лицам, подозреваемым в уголовных преступлениях, с целью получения признаний. Были сообщения об избиении тех, кто нуждался в медицинской помощи, и об отказе в медицинской помощи. В соответствии с докладом Генерального Секретаря ООН (см. § 36 выше), пытки также использовались в качестве наказания для тех, кто уже сознался. Все эти доклады в равной мере отмечают очень плохие условия в тюрьмах, в том числе переполненность, плохое питание и запущенные болезни. Он также сообщал, что заявления о пытках и дурном обращении не расследуются компетентными органами Туркменистана. Учитывая полномочия и репутацию авторов этих

докладов, серьезность расследований, по результатам которых они составлялись, соответствие их выводов друг другу в рассматриваемом вопросе и согласие этих выводов по сути с другими источниками (см. § 37 выше), Суд не сомневается в их надежности. Более того, государство-ответчик не представило никаких доказательств или докладов, способных опровергнуть утверждения, сделанные в источниках, процитированных заявителем.

72. В отношении утверждений заявителя о реальной угрозе обращения или наказания, противоречащего статье 3 Конвенции, ввиду его этнического происхождения Суд отмечает, что в имеющихся материалах нет каких-либо доказательств, будто с уголовными подозреваемыми не туркменского происхождения обращаются иначе, чем с этническими туркменами. Из материалов, рассмотренных выше, возникает впечатление, что любому уголовному подозреваемому, заключенному под стражу, серьезно угрожает применение пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения как для получения признания, так и в наказание за то, что он преступник. Вопреки тому, что заявитель разыскивается за относительно нетяжкое и не за политически мотивированное преступление, Суд согласен с доводом заявителя о том, что само по себе задержание в качестве уголовного подозреваемого в такой ситуации дает достаточные основания полагать, что ему будет угрожать серьезная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

73. Суд также отмечает, что в своем письме от 19 апреля 2007 года Первый заместитель Генерального прокурора Туркменистана писал, что требования статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод будут выполнены в отношении заявителя и он не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию после экстрадиции (см. § 20 выше). Однако Суд замечает, что вообще не установлено, уполномочен ли Первый заместитель Генерального прокурора или ведомство, которое он представляет, предоставлять такие гарантии от имени государства. Более того, учитывая отсутствие эффективной системы предупреждения пыток, было бы трудно увидеть, будут ли данные заверения выполнены. Наконец, Суд отмечает, что международные правозащитные доклады также говорят о серьезных проблемах в международном сотрудничестве с туркменскими властями в сфере прав человека и категорическом отрицании нарушений прав человека вопреки постоянной информации как из межправительственных, так и из неправительственных источников (см. § 36 выше).

74. В свете вышеперечисленных выводов Суд не может согласиться с Правительством, что заверений, предоставленных в данном деле,

достаточно, чтобы защитить от серьезной угрозы дурного обращения в случае экстрадиции.

75. Приведенные соображения в совокупности достаточны, чтобы Суд пришел к выводу, что экстрадиция заявителя в Туркменистан нарушила бы статью 3 Конвенции.

III. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

76. Заявитель утверждал, что он не имел эффективной возможности обжаловать свою экстрадицию на основании угрозы дурного обращения. Он ссылаясь на статью 13, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

77. Правительство возразило, что заявитель имел доступ к национальным судам и, таким образом, мог обратиться свои жалобы к компетентным национальным органам.

A. Приемлемость

78. Суд отмечает, что эта жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

1. Доводы сторон

79. Правительство и заявитель сослались на свои аргументы в отношении возражения Правительства по исчерпанию национальных средств правовой защиты (см. §§ 43-47 выше).

80. Третья сторона напомнила практику Суда о сочетании и поиске равновесия между международным сотрудничеством по уголовным делам и обязательствами государств-участников по Конвенции. Она подчеркнула, что государство должно всегда уделять должное внимание угрозе нарушения прав человека в запрашивающей стране. Поэтому суды и другие соответствующие органы многих стран проводят изучение ситуации с правами человека за рубежом в контексте запросов об экстрадиции. Такое изучение, например, проводилось судами Соединенных Штатов Америки, Канады, Нидерландов, Германии, Швейцарии, Ирландии и Японии. Третья

сторона отметила, что во многих странах такое изучение предусмотрено законодательством. Она также подчеркнула важность оценки Суда в вопросе, существовали ли в данном деле процедуры для определения угрозы нарушения прав заявителя в случае экстрадиции.

81. Третья сторона отметила, что в отличие от многих других государств, в Украине решение об экстрадиции принимает Генеральная прокуратура. По ее мнению, такие решения должны приниматься судом, поскольку они влекут серьезные последствия для лица, выдача которого запрашивается. Она отметила, что в Украине нет ясной и предсказуемой процедуры для обжалования решений об экстрадиции. Она сослалась на пример с узбекскими искателями убежища, которые были депортированы по запросу об экстрадиции, вопреки тому, что их заявления о предоставлении убежища еще не были рассмотрены (см. § 33 выше). Третья сторона предоставила пример решения Верховного Суда Польши, запретившего экстрадицию человека из Польши в Китай ввиду обязательств Польши по статьям 3 и 6 Конвенции и угрозы нарушения этих положений Конвенции в случае экстрадиции.

2. Оценка Суда

82. Суд напоминает, что понятие эффективного средства защиты в соответствии с Конвенцией требует, чтобы это средство могло предотвратить применение мер, которые противоречат Конвенции и последствия которых потенциально необратимы. Поэтому не приемлемо с точки зрения соответствующих положений Конвенции, если такие меры исполняются до того, как национальные органы рассмотрели, соответствуют ли они Конвенции, хотя государства-участники имеют некоторую свободу усмотрения в отношении того, как именно они выполняют свои обязательства по этому положению (см., *mutatis mutandis*, *Garabayev v. Russia*, no. 38411/02, § 105, 7 июня 2007 года, ECHR 2007-... (extracts)).

83. Суд ссылается на свои выводы в данном деле (в §§ 52-53 выше) в отношении довода правительства о национальных средствах защиты. По тем же соображениям Суд приходит к выводу, что у заявителя не было эффективных национальных средств правовой защиты, требуемых статьей 13 Конвенции, с помощью которых он мог бы обжаловать свою экстрадицию на основании угрозы дурного обращения по возвращении. Соответственно, это положение было нарушено.

IV. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ

84. Заявитель также жаловался, что выдал его в Туркменистан, где он, вероятно, получит несправедливое судебное разбирательство, Украина нарушит статью 6 § 1 Конвенции.

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

А. Приемлемость

85. Суд отмечает, что эта жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Она также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Правительство

86. Правительство утверждало, что они не могут оценивать возможность нарушения права заявителя на справедливое разбирательство, гарантированное статьей 6 § 1 Конвенции, после его экстрадиции. Правительство заметило, что ни одно дело не рассматривалось в туркменских судах в отношении заявителя и у них нет оснований полагать, что его дело будет рассматриваться в Туркменистане несправедливым судом.

87. Правительство не соглашалось с тем, что информации, предоставленной заявителем о ситуации в Туркменистане, достаточно, чтобы создать сильное убеждение, будто судебная система в Туркменистане основана на принципах несправедливости и общем нарушении прав человека в ходе рассмотрения дел.

88. Правительство подчеркнуло, что вопрос по статье 6 в связи с решением об экстрадиции может рассматриваться только в исключительных обстоятельствах, когда беглец столкнулся или рискует столкнуться с откровенным отказом в справедливом судебном разбирательстве в принимающей стране (они цитировали *Soering v. the United Kingdom*, цит. выше, § 113).

89. Они доказывали, что простого предположения не достаточно, чтобы поставить вопрос о нарушении статьи 6 Конвенции в данном случае.

90. Они также отметили, что компетентные туркменские власти предоставили дополнительные заверения, что заявитель получит справедливое судебное разбирательство в случае его экстрадиции.

91. Правительство также отметило, что Суд уже признал жалобу по статье 6 неприемлемой в другом деле об экстрадиции (*Novik v. Ukraine* (dec.), no. 48068/06, 13 марта 2007), и просили Суд признать эту жалобу неприемлемой по тем же соображениям.

(b) Заявитель

92. Заявитель утверждал, что в случае экстрадиции он столкнется с серьезной опасностью откровенного отказа в правосудии. Он отметил, что Правительство не предоставило никаких объяснений в отношении национальной судебной системы в Туркменистане, возможно, потому что считало этот вопрос выходящим за пределы их ответственности. Заявитель обратил внимание на признание Правительства, что они не могут рассматривать вероятность откровенного отказа в справедливом судопроизводстве в Туркменистане.

93. Заявитель сослался на соответствующие международные материалы, описывающие ситуацию в Туркменистане, и отметил, что после рассмотрения дела в Туркменистане он не сможет обжаловать несправедливость судебного разбирательства в Европейский суд по правам человека. Он подчеркнул, что если туркменские власти нарушили основные принципы справедливого судебного разбирательства в случае, который привлек внимание международного сообщества, в его «обычном» деле это еще более вероятно.

94. Ввиду докладов международных организаций он полагал, что его ждет откровенный отказ в справедливом судопроизводстве в Туркменистане.

95. Наконец, он оспорил доводы Правительства в отношении подобия его дела делу *Новика* (цит. выше), в котором Суд объявил жалобу по статье 6 неприемлемой. Он отметил, что в деле *Новика*, Генеральная прокуратура отказалась выдать заявителя на том основании, что в соответствии с украинским законом обвинение против г-на Новика не предусматривало лишение свободы, а поэтому ему более не угрожала экстрадиция. По этим основаниям жалоба г-на Новика в соответствии со статьей 6 была признана неприемлемой.

2. Оценка Суда

96. Суд напоминает своей вывод о том, что экстрадиция заявителя в Туркменистан нарушила бы статью 3 Конвенции (см. § 75 выше). Не имея оснований сомневаться, что Правительство-ответчик исполнит это решение, Суд не считает нужным разрешать гипотетический вопрос о том, будет ли в случае экстрадиции в Туркменистан также

нарушена статья 6 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, *Saadi v. Italy* [GC], цит. выше, § 160).

IV. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 И 3 КОНВЕНЦИИ

97. Заявитель жаловался, что он был задержан в нарушение статьи 5 §§ 1 и 3. Он утверждал, что до 30 января 2007 года, когда Генеральная прокуратура получила официальный запрос об экстрадиции, его содержание под стражей подпадало под статью 5 § 1(с). Только после этой даты, на его взгляд, задержание может рассматриваться как задержание «с целью экстрадиции».

Соответствующие положения статьи 5 предусматривают следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

(f) законное задержание или заключение под стражу ... лица, против которого предпринимаются меры по его ... выдаче.

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость

98. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей с 4 по 30 января 2007 года подпадало под статью 5 § 1(с) Конвенции. Он считал, что после того, как запрос о его экстрадиции был получен украинскими властями 30 января 2007 года, его содержание под

стражей подпадало под статью 5 § 1(f). По мнению Правительства весь период содержания под стражей подпадал под статью 5 § 1(f).

99. Суд отмечает, что заявитель был задержан на основании постановления о международном розыске, выданного Туркменскими властями, и об этом ему сообщили в день задержания. Ему также сообщили, что уголовное дело против него расследуется в Туркменистане, а не в Украине. В тот же день Херсонское управление милиции получило официальную просьбу туркменских властей о временном аресте в соответствии со статьей 61 Минской Конвенции. 10 января 2007 года Каховский суд заключил заявителя под стражу до окончания процедуры экстрадиции. 30 января 2007 года Генеральная прокуратура Украины получила официальный запрос от Генеральной прокуратуры Туркменистана об экстрадиции заявителя для целей уголовного преследования. Суд также отмечает, что Минская Конвенция, составляющая часть национального законодательства Украины, предусматривает временный арест разыскиваемого лица с целью его возможной экстрадиции в запрашивающую страну даже до официального запроса об экстрадиции. На основании фактов, описанных выше, Суд считает, что украинские власти задержали и содержали заявителя под стражей для того, чтобы предпринять действия с целью его экстрадиции. В Украине не было уголовного процесса против заявителя. Более того, никаких других причин, кроме экстрадиции (и процедуры в отношении хулиганства, о чем сказали его родственникам, но больше не упоминали), не было упомянуто властями в отношении содержания заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода, и в деле нет доказательств, чтобы предположить, будто какая-либо иная причина когда-либо существовала. Следовательно, несмотря на доводы заявителя к обратному, его содержание под стражей всегда было с целью экстрадиции и его жалоба должна рассматриваться с точки зрения статьи 5 § 1(f) Конвенции (см. *Novik*, цит. выше). Следовательно, статья 5 § 1(c) и, соответственно, статья 5 § 3 Конвенции неприменимы в данном случае (см. *Quinn v. France*, решение 22 марта 1995 года, Series A no. 311, § 53).

100. Правительство утверждало, что заявитель не обжаловал решение от 10 января 2007 о его заключении под стражу в апелляционный суд. Такая возможность предусмотрена статьей 165-2 Уголовно-процессуального кодекса и была упомянута в самом решении. Следовательно, доказывало Правительство, заявитель не исчерпал национальных средств защиты, доступных ему в соответствии с украинским законодательством в отношении этой жалобы.

101. Заявитель это никак не комментировал.

102. Суд также отмечает, что статья 165-2 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что «прокурор, подозреваемый, обвиняемый или его защитник или законный представитель» могут обжаловать решение суда первой инстанции. Однако заявитель, как лицо, задержанное с целью экстрадиции, а не как подозреваемый в уголовном деле, не относился к какой-либо из этих категорий. Более того, суть жалобы заявителя о незаконности его содержания под стражей состоит в отсутствии законодательства, которое предусматривало бы четкие и предвидимые правила содержания под стражей кого-либо с целью экстрадиции. Правительство не объяснило, как на фоне постановления Верховного Суда от 8 октября 2004 года жалоба в соответствии со статьей 165-2 затрагивала бы эти вопросы или могла исправить ситуацию. Поэтому возражение Правительства в отношении того, что заявитель не обжаловал свое первоначальное заключение под стражу, бессодержательно и должно быть отклонено.

103. Таким образом, суд отклоняет предварительное возражение Правительства и отмечает, что жалоба по статье 5 § 1(f) не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой. Жалобы заявителя по статье 5 § 1(c) и 3 Конвенции откровенно необоснованны и должны быть отклонены в соответствии со статьей 35 § 3 и 4 Конвенции.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

104. Правительство утверждало, что экстрадиция лиц из Украины в Туркменистан регулировалась Минской Конвенцией 1993 года, которая была ратифицирована украинским Парламентом и стала частью украинского законодательства в соответствии со статьей 9 Конституции. Они также отметили, что в соответствии с Минской Конвенцией, государства-участники должны признавать официальные документы, выданные другим государством-участником. Поэтому украинское Правительство не могло ставить под сомнение официальные документы, выданные соответствующими Туркменскими властями в деле заявителя. Правительство утверждало, что, заключая под стражу заявителя, украинские власти действовали в соответствии с их международными обязательствами по Минской Конвенции и его содержание под стражей предпринималось с целью экстрадиции.

105. Правительство отметило, что украинский суд заключил заявителя под стражу 10 января 2007 года. Они утверждали, что не было сомнения в законности решения национального суда и заключение под стражу заявителя осуществлялось в соответствии с процедурой, установленной законом. Они также отметили, что эта процедура позволяла заявителю обжаловать решение о его заключении под стражу, чего он, однако, не сделал.

106. Правительство также отметило, что национальные органы власти признали его незаконность содержания заявителя под стражей до 7 января 2007 года и заявитель имел возможность обжалования.

107. Заявитель утверждал, что его требования статьи 5 § 1 не препятствуют государству выполнять свои международные обязательства в сфере экстрадиции, поскольку такое основание для задержания ясно предусмотрено в статье 5 § 1(f), которая лишь требует, чтобы содержание под стражей производилось в соответствии с процедурой, предусмотрено национальным законом. Заявитель доказывал, что Минская Конвенция не предусматривает такой процедуры. Он также заметил, что незаконность его содержания под стражей с 4 по 10 января 2007 была признана самими государственными органами.

108. Третья сторона утверждала, что решение об экстрадиции тесно связано с решением о временном аресте лица, экстрадиция которого запрашивается. Лишение этого человека свободы в такой ситуации также требует ясного и точного законодательства, чтобы защитить человека от произвольного содержания под стражей.

2. Оценка Суда

(a) Общие принципы

109. Суд, как указывалось выше, считает, что заявитель содержался под стражей с целью экстрадиции из Украины в Туркменистан. Таким образом, в данном случае применима статья 5 § 1(f) Конвенции, о чем говорилось выше. Это положение не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого предпринимаются меры с целью экстрадиции, считалось разумно необходимым, чтобы, например, предупредить совершение им преступления или бегство. В этом отношении, статья 5 § 1(f) предусматривает иной уровень защиты, чем статья 5 § 1(c): все, что требуется в соответствии с пунктом (f) – это «меры, предпринимаемые с целью экстрадиции». Поэтому для целей статьи 5 § 1(f) несущественно, было ли решение об экстрадиции, которое лежит в основе заключения под стражу, оправдано с точки зрения национального закона или Конвенции (см. *Џонка*, цит. выше, §

38, и *Chahal v. the United Kingdom*, решение 15 ноября 1996 года, *Reports* 1996-V, § 112).

110. Однако Суд повторяет, что он должен рассмотреть, было содержание заявителя под стражей «законным» в значении 5 § 1(f), в особенности в свете гарантий, предоставляемых национальной системой. Когда рассматривается вопрос о «законности» содержания под стражей, в том числе вопрос, была ли соблюдена «процедура, предусмотренная законом», Конвенция отсылает по существу к национальному законодательству и предусматривает обязанность придерживаться материальных и процессуальных правил национального закона, однако она также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 – защитить человека от произвола (см. *Amuur v. France*, решение 25 июня 1996 года, *Reports* 1996-III, § 50).

111. Поэтому Суд должен убедиться, отвечало ли само национальное законодательство требованиям Конвенции, в том числе общим принципам, выраженным или подразумеваемым в ней. В этом последнем пункте Суд подчеркивает, что если речь идет о лишении свободы, особенно важно, чтобы соблюдались общие принципы правовой определенности. Предусмотрев, что любое лишение свободы должно производиться «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом», статья 5 § 1 не только отослала к национальному праву; как и выражение «в соответствии с законом» и «предусмотренный законом» во вторых параграфах статей 8-11, она также ссылается на «качество закона», требуя от него соответствия верховенству права – концепции, присущей всем статьям Конвенции. «Качество закона» в этом смысле предполагает, что если национальный закон допускает лишение свободы, то он должен быть достаточно понятен, точен и предсказуем в своем применении, чтобы избежать риска произвола (см. *Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, § 125, ECHR 2005-X (extracts); *Ječius v. Lithuania*, no. 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX; *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000-III; и *Amuur*, цит. выше). В решении по делу *Nasrulloev v. Russia* (no. 656/06, §§ 72-77, 11 октября 2007 года) Суд установил, что глава 54 Уголовно-процессуального кодекса России («Экстрадиция лица для уголовного преследования или исполнения приговора»), которая не предусматривала специальной процедуры для задержания и содержания под стражей с целью экстрадиции, однако ссылалась на процедуры задержания и содержания под стражей в качестве мер пресечения, при своем применении создала путаницу в национальных органах. Суд пришел к выводу, что эти положения российского законодательства, регулирующие содержание под стражей лиц с целью экстрадиции, не были ни точными, ни предсказуемыми в своем применении и не

соответствовали стандарту «качества закона», требуемому Конвенцией.

(b) Применение в данном случае

112. Суд принимает довод Правительства, что Минская Конвенция, как часть национального правового порядка, может служить правовым основанием для процедуры экстрадиции и для содержания под стражей с целью экстрадиции. Однако статья 5 § 1(f) Конвенции также требует, чтобы содержание под стражей с целью экстрадиции осуществлялось «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом». Минская Конвенция не предусматривает отдельной процедуры, которой должна следовать запрашиваемая страна и которая бы могла обеспечить гарантии против произвола. Поэтому суд должен рассмотреть, создавали ли другие положения украинского законодательства такую процедуру.

113. Как ясно из статьи 29 Конституции Украины, существует общее правило о том, что любой человек, лишенный свободы, имеет право на то, чтобы обоснованность его содержания под стражей была проверена национальным судом в течение 72 часов. Конституция также гарантирует каждому право в любое время обжаловать свое содержание под стражей в суде. В другом контексте эти конституционные гарантии более детально изложены в отдельных инструментах, таких как Уголовно-процессуальный кодекс или Закон «О психиатрической помощи» в случае принудительного психиатрического лечения (см. *Gorshkov v. Ukraine*, по. 67531/01, § 30, 8 ноября 2005 года). Однако какие-либо правовые положения в Уголовно-процессуальном кодексе или любых других нормативных актах, предусматривающие, хотя бы в виде ссылки, процедуру для содержания под стражей с целью экстрадиции отсутствуют. Верховный Суд знал об этой проблеме и попытался решить вопрос своим постановлением № 16 от 8 октября 2004 года (см. § 31 выше). Он рекомендовал нижестоящим судам применять в процессе экстрадиции некоторые положения Уголовно-процессуального кодекса с соответствующими поправками. Тем не менее, сам Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает такой возможности, ясно указывая, что меры пресечения должны применяться к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или осужденному лицу (см. §§ 26-28 выше). Более того, постановления Пленума Верховного Суда не имеют силу закона и не являются обязательными для исполнения судами и правоохранительными органами, принимающими участие в процедуре экстрадиции.

114. Изложенных соображений достаточно, чтобы привести Суд к выводу, что украинское законодательство не предусматривает процедуры, достаточно понятной, точной и предсказуемой в своем

применении, чтобы устранить угрозу произвольного содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Учитывая этот вывод, Суд не видит необходимости рассматривать каждое из утверждений заявителя в отношении конкретных периодов его содержания под стражей или пригодность уголовной процедуры, предложенной в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда.

Соответственно, статья 5 § 1(f) Конвенции была нарушена.

V. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

115. Заявитель также жаловался на отсутствие достаточных процессуальных гарантий в национальном законодательстве для пересмотра законности его содержания под стражей и на промедление с первоначальным рассмотрением его содержания под стражей национальным судом, учитывая, что он был доставлен к судье на седьмой день после задержания. Он ссылаясь на статью 5 § 4 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Приемлемость

116. Правительство утверждало, что заявитель имел в своем распоряжении эффективную процедуру для обжалования законности своего содержания под стражей. По словам Правительства, эта процедура предусматривалась статьями 106, 165-2 и 382 Уголовно-процессуального кодекса и постановлением Пленума Верховного Суда от 8 октября 2004 года.

117. Правительство также отметило, что содержание заявителя под стражей до решения от 10 января 2007 года было рассмотрено прокурором, который установил нарушение прав заявителя. В результате действий прокурора, должностные лица, ответственные за это нарушение, были привлечены к дисциплинарной ответственности. Правительство считало, что это признание нарушения давало возможность заявителю требовать восстановления своих прав и компенсации, чего он не сделал. Следовательно, доказывало Правительство, заявитель не исчерпал средств правовой защиты, доступных ему в соответствии с украинским законодательством.

118. Заявитель утверждал, что украинское законодательство не содержит каких-либо положений, дающих ему возможность обжаловать его содержание под стражей в связи с уголовным

преследованием в другой стране. Он считал, что процедура, предусмотренная статьей 106 Уголовно-процессуального кодекса, не соответствует требованиям статьи 5 § 4 Конвенции. Эта процедура касается пересмотра решения суда первой инстанции в апелляции, однако не дает возможности заявителю периодически обжаловать законность его содержания под стражей.

119. Заявитель также отметил, что ему не сообщили о решении, которым национальные органы признали нарушение его прав; поэтому он не мог сослаться на него в каких-либо национальных процедурах. Более того, это признание не относилось ко всем его жалобам по статье 5. Кроме того, он ставил под сомнение адекватность дисциплинарного наказания за нарушение его права на свободу, учитывая, что статья 371 Уголовного кодекса предусматривает уголовное наказание за незаконное содержание под стражей. Однако национальные органы не возбудили какого-либо уголовного расследования, чтобы обеспечить адекватное наказание для тех, кто ответственен за нарушение.

120. В ответ Правительство утверждало, что заявитель не предпринял никаких шагов даже после того, как получил такую информацию.

121. Суд находит, что возражения Правительства в отношении неисчерпания настолько тесно связаны с вопросами по существу жалобы, что они должны быть присоединены к ним и рассмотрены вместе.

122. Поэтому Суд присоединяет к рассмотрению по существу возражения Правительства о доступности и эффективности средств правовой защиты по жалобам заявителя в отношении статьи 5 § 4 Конвенции. Суд также отмечает, что эта жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

123. Как отмечалось выше, Правительство доказывало, что адекватная процедура была предусмотрена статьями 106, 165-2 и 382 Уголовно-процессуального кодекса и постановлением Пленума Верховного Суда от 8 октября 2004 года или, альтернативно, возможностью возбудить процесс о компенсации в свете выводов прокурора от 20 февраля и 15 марта 2007 года о том, что содержание под стражей до 10 января 2007 года нарушило его права.

124. По доводам заявителя, единственная процедура, которую можно рассматривать с точки зрения статьи 5 § 4 – это процедура, предусмотренная статьями 165-2 и 165-3, однако она не предоставляла гарантий судебной процедуры, требуемых статьей 5 § 4.

2. Оценка Суда

125. Суд напоминает, что цель статьи 5 § 4 – гарантировать задержанным или заключенным под стражу лицам право на судебное рассмотрение законности меры, которой они подвергнуты (см., *mutatis mutandis, De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, решение 18 июня 1971 года, Series A no. 12, § 76). Средство правовой защиты должно быть доступно в течение срока содержания лица под стражей, чтобы позволить ему получить быстрое судебное рассмотрение законности содержания под стражей, что может привести, в соответствующих случаях, к его освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого статьей 5 § 4, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, без чего ему будет недоставать доступности и эффективности, требуемых для целей этого положения (см., *mutatis mutandis, Stoichkov v. Bulgaria*, no. 9808/02, § 66 в конце, 24 марта 2005 года, и *Vachev v. Bulgaria*, no. 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII (extracts)). Доступность средства защиты предполагает, кроме всего прочего, что обстоятельства, добровольно созданные властями, предоставляли заявителю реалистичную возможность использовать это средство (см., *mutatis mutandis, Čonka*, цит. выше, §§ 46 и 55).

126. Суд ссылается на свои выводы в отношении статьи 5 § 1 Конвенции об отсутствии правовых положений, регулирующих в Украине процедуру содержания под стражей до экстрадиции. Он считает, что в обстоятельствах данного дела эти выводы равно применимы к жалобе заявителя по статье 5 § 4 Конвенции, поскольку Правительство не показало, что заявитель имел в своем распоряжении какую-либо процедуру, посредством которой законность его содержания под стражей могла быть проверена судом. В частности, статья 165-2 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что «прокурор, подозреваемый, обвиняемый или его защитник или законный представитель» могут обжаловать решение суда первой инстанции. Однако заявитель, как лицо, задержанное с целью экстрадиции, а не как подозреваемый в уголовном деле, не относился к какой-либо из этих категорий. Что касается статей 106 и 382 Кодекса, они также имеют в виду ситуации и стороны национального уголовного процесса, а не процедуру экстрадиции. Правительство не указало, как статьи 106, 165-2 и 382 Уголовно-процессуального кодекса могут обеспечить пересмотр, требуемый статьей 5 § 4. Далее, что касается иска о компенсации, основанного на выводах о нарушении прав заявителя во время его содержания под стражей до 10

января 2007 года, обсуждаемое задержание, как опять же отмечено выше, закончилось ко времени, как заявитель узнал об обсуждаемых, а суд, рассматривающий вопрос о компенсации, не мог бы постановить его освобождение. Поэтому это также не может составить «процедуру», предусмотренную статьей 5 § 4.

127. Изложенных соображений достаточно Суду, чтобы отклонить предварительные возражения Правительства и прийти к выводу о том, что статья 5 § 4 Конвенции была нарушена.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

128. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

129. Заявитель не заявил требований о справедливом возмещении. Соответственно, Суд считает, что в этом отношении нет необходимости присуждать ему какую-либо сумму.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Присоединяет к рассмотрению по существу* возражение Правительства в отношении исчерпания национальных средств защиты в связи с жалобой заявителя по статье 5 § 4 Конвенции; и отклоняет его после рассмотрения по существу;
2. *Отклоняет* остальные предварительные возражения Правительства;
3. *Признает* жалобы по статье 3, статье 5 § 1(f) и 4, статье 6 § 1 и статье 13 Конвенции в отношении возможной экстрадиции заявителя в Туркменистан и задержания в ожидании экстрадиции приемлемыми, а остальные – неприемлемыми;
4. *Постановляет*, что экстрадиция заявителя в Туркменистан нарушила бы статью 3 Конвенции;
5. *Постановляет*, что была нарушена статья 13 Конвенции;

6. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, нарушила бы экстрадиция заявителя в Туркменистан статью 6 § 1 Конвенции;
7. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1(f) Конвенции;
8. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 4 Конвенции;
9. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать вопрос о справедливом возмещении.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 23 октября 2008 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Claudia Westerdiek
Секретарь

Peer Lorenzen
Председатель